

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КАМПАНИИ БССР В 1920–1930-Е ГОДЫ И ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКИХ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ

С. А. Елизаров

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

Конституционным принципом формирования местных органов власти и управления советская власть провозгласила принцип их выборности снизу доверху как подтверждение «подлинно демократичного» (т. е. советского) характера нового общественного строя.

До 1937 г. непосредственно население в БССР участвовало лишь в выборах сельских, местечковых и городских Советов, в результате которых определялись не только их персональный состав, но и делегаты на волостные (районные) съезды Советов. В свою очередь волостные (районные) съезды избирали волостные (районные) органы власти и делегатов на уездный съезд, уездный (окружной) – соответственно уездные (окружные) исполкомы и делегатов на Вселоборусский съезд Советов. В связи с такой системой единственной реальной возможностью для большинства населения республики – крестьян – влиять на формирование всей вертикали государственной власти и управления были выборы в сельсоветы.

Советское законодательство 1920-х первой половины 1930 гг. предусматривало непропорциональную систему, обеспечивающую в крестьянской стране преобладание городского представительства в выборных органах, которое усиливалось по мере возрастания административного статуса этих органов.

Выборы не носили всеобщего характера. По Конституции БССР 1927 г., избирательным инструкциям правом избирать и быть избранным в Советы могли пользоваться, независимо от веры и национальности, граждане БССР обоего пола, достигшие 18 лет. Однако часть населения была лишена избирательных прав («лишенцы») по классовым и социальным признакам. В Конституции БССР 1927 г. не имели права избирать и быть избранными (кроме душевнобольных и осужденных) лица, пользующиеся наемным трудом для получения прибыли; лица, живущие на нетрудовой доход (проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.); частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; монахи и духовные служители религиозных культов всех вер; бывших служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, члены царствовавшего в России дома. В 1920-е гг. «лишенцы» в БССР составили от 1,45 до 2,16 % лиц старше 18 лет.

Для выборов 1920-х гг. общим являлось постоянное нагнетание партийными органами обстановки «обострения классовой борьбы» как охранительной реакции на потенциальные угрозы политической власти большевиков, исходящие от нэповской экономической либерализации.

По характеру и методам проведения избирательных кампаний в БССР, отношению к ним населения (прежде всего различных групп крестьянства), социальному составу местных Советов в 1920-е гг. можно выделить три основных периода. Первый период – 1921–1924 гг. Интерес крестьян к перевыборам в сельсоветы (как и к выборам вообще) был низким. Военно-коммунистические методы проведения избирательных кампаний, отсутствие реальных полномочий и материально-финансовых средств у сельсоветов приводили к массовому абсентеизму крестьян. В таких условиях для достижения необходимого власти результата больших усилий партийных и советских органов не требовалось – чаще всего было достаточно простое использование административных ресурсов.

Второй период – 1925–1926 гг. Под давлением Москвы белорусское партийно-советское руководство пошло на пересмотр и результатов выборов 1924 г., и методов их проведения. Прежняя, привычная для партийных и советских структур ориентация на беднейшие слои населения при формировании низовых органов власти сменяется политикой их «осереднячивания». Эта линия была закреплена на перевыборах 1926 г., официально властью признанных первыми после завершения гражданской войны «широкими и демократическими».

В середине 1920-х гг. выборы реально превратились в место политической борьбы за массы крестьянства между властью и зажиточной частью деревни. За редким исключением это действительно была политическая борьба за середняка с использованием обеими сторонами сходных средств и методов агитации, в которой власть изначально располагала несравненно более мощными возможностями, средствами и ресурсами. И результаты выборов показывали, что эту борьбу выиграла власть – середняк поверил в нее, пошел в сельские Советы, занял в них в 1925 и 1926 гг. руководящее положение, оттеснив бедноту.

Третий период – 1927–1931 гг. – связан с реанимацией курса на превращение сельсоветов в «органы диктатуры пролетариата в деревне». Начинается свертывание новой экономической политики, на первый план выходят задачи непосредственного строительства социализма. Центральным направлением деятельности всех партийных и советских органов в перевыборной кампании вновь становится работа с деревенской беднотой и колхозным крестьянством, а также обеспечение за ними решающих позиций в сельсоветах. В проведении выборов расширяется использование административных ресурсов. Сельсоветы так и не стали опасным для партийно-советской власти легальным органом, способным быть выразителем традиционного крестьянского консерватизма и сопротивления инициированных властью радикальным преобразованиям в деревне. Они окончательно превратились в аппарат, представляющий интересы беднейшей части крестьянства и легитимизировавший все мероприятия партийно-советского руководства на местах.

Четвертый период – выборы 1934–1939 гг. Результаты массовой коллективизации, устранение возможных оппонентов власти среди крестьянства в результате политики «ликвидации кулачества как класса», отработанная многими годами система достижения необходимого результата на предыдущих перевыборах уже не вызывали у партийно-советских властей сомнений и тревоги по поводу их итогов. Выборы утратили свое основное значение как арены борьбы за власть, способ смены правящих элит и представительства разнообразных интересов населения. Их необходимо было наполнить понятным для власти и населения содержанием, придать им определенный смысл и целеполагание. В результате выборы с 1934 г. превратились в «смотр побед социалистического строительства», в одну из обычных «политико-хозяйственных кампаний», в «орудие организации миллионных масс рабочих, колхозников и советской интеллигенции на дальнейшую борьбу за построение социализма и укрепление советов – органов пролетарской диктатуры».

Таким образом, официальная идеология перевыборных кампаний в первой половине 1930-х гг. была скорректирована в соответствии с новыми властными политико-экономическими приоритетами. Мобилизационный потенциал лозунга «обострения классовой борьбы» утрачивал свое первостепенное значение. Требовалась иная идея, понятная большинству людей и способная максимально использовать человеческий потенциал в новых условиях. Эта идея выросла и окрепла в годы первой и второй пятилеток – трудовой энтузиазм приобретал широкие масштабы и быстро превращался в одно из решающих средств социалистического строительства.

Соответственно с этими новыми реалиями и властными приоритетами требовалось перестроить и работу по организации и проведению перевыборных кампаний в Советы. Ориентация на выборы как форму проявления «ожесточенной классовой борьбы» сменилась стремлением использовать их в качестве одного из главных средств мобилизации населения в реконструктивный период. Перевыборы 1934 г. стали первым успешным опытом их широкого применения в качестве средства решения технико-экономических задач. Конечно, это вовсе не означало отказ от продолжения классовой борьбы, скорректированной целью которой стала «окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще». Однако классовый мотив уже не доминировал в выборной агитационно-пропагандистской работе, а выступал в качестве лишь дополнительного инструмента. Все последующие выборы только усиливали в них эту производственно-хозяйственную доминанту.

Выборы 1937 г. в Верховный Совет СССР, 1938 г. – в Верховный Совет БССР, 1939 г. – в местные Советы депутатов трудящихся проходили по нормам Конституции СССР 1936 г. и Конституции БССР 1937 г., в которых декларировались всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании. Эти выборы завершили процесс легитимизации новой советской системы органов власти и управления. Они способствовали активизации диалога власти и населения в условиях минимизации взаимного использования насилия как государством (политические репрессии), так и населением (прямые насильственные действия против представителей власти и активистов).

Новые нормы избирательного права (всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании) требовали от партийных и советских органов корректировки своей прежней практики применения уже испытанных рычагов (лишение избирательных прав, прямой непосредственный контроль за процедурой открытого голосования, голосование списками). Фактически сохранился метод выдвижения кандидатов: прежний – совместные кандидаты от партийных организаций и собраний бедноты – трансформировался в выдвижение единых кандидатов «от блока коммунистов и беспартийных». Однако от партийных органов требовалось не только обеспечить состав Советов людьми, политически благонадежными, способными сознательно и беспрекословно выполнять решения партийных инстанций. Провластные кандидаты в большинстве своем должны были реально пользоваться доверием населения по своим профессиональным, политическим, моральным качествам и служить образцом подражания для других. Это доверие создавало гораздо более устойчивый фундамент легитимности существующей власти, чем страх и террор. Депутаты, получившие реальную поддержку избирателей, создавали позитивный имидж всей советской политической системе.

В целом в 1920–1930-е гг. избирательные кампании позволяли, во-первых, формировать необходимый властям состав Советов депутатов всех уровней. Во-вторых, формировать номенклатурные органы исполнительной власти Советов, которые располагали реальными ресурсами и рычагами власти. Повторяющиеся регулярные выборы содействовали интериоризации личности советского человека, превращению внешней социальной практики, внешних стандартов и стереотипов поведения, связанных с уча-

ствием в выборах, в его устойчивые внутренние поведенческие установки. На первый взгляд ритуальное по своей внешней форме действие (участие в предвыборных собраниях, явка на избирательный участок, опускание избирательных бюллетеней в урну) со временем приобретает вид значимого образца поведения, что, в свою очередь, служило важным элементом стабильности всей социальной системы.